

ПРАВОПОНИМАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2014 Ломоносова Алла Александровна
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: lvls@mail.ru

Феномен правовой политики активно, глубоко и всесторонне исследуется в российской юридической науке примерно с середины 1990-х гг. В статье раскрывается сущность этого явления, его природа, определение его понятия.

Ключевые слова: правовая политика, общая теория права, норма права, правоотношения.

В отечественной общей теории права сложилось несколько подходов к правопониманию. Одним из них является так называемый широкий подход, который связан, прежде всего, с именами таких выдающихся советских ученых-правоведов, как А.А. Пионтковский и С.Ф. Кечекьян. В середине 50-х гг. прошлого века эти ученые выступили с весьма жесткой и последовательной критикой предложенного А.Я. Вышинским и господствовавшего тогда в советском правоведении узконормативного определения понятия права. Кстати, А.А. Пионтковскому приписывают и авторство самого термина.

Так, А.А. Пионтковский констатировал, что советская общая теория права начиная с 1938 г. в течение длительного времени строилась на единственном определении понятия права как выражающих волю господствующего класса совокупности норм (или правил поведения), применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, укрепления и развития общественных отношений и порядков. По его мнению, все определения понятия права, которые предлагались в последующие годы в общетеоретических работах советских юристов, представляли собой одну из вариаций все того же хрестоматийного определения. А.А. Пионтковский полагал, что оно обладает как минимум двумя пороками. Во-первых, в нем отсутствовало указание на предопределенность правовых норм конкретными материальными условиями жизни общества. Опасность здесь крылась в том, что такое понимание права открывало простор для произвола, правотворческого волюнтаризма, попыток игнорирования объективных закономерностей развития социалистического общества в законотворческом процессе. Сама политическая обстановка в стране, культ

личности вождя создавали к тому все благоприятные условия. Во-вторых, ошибочной в данном определении была и явная переоценка государственного принуждения как средства обеспечения применения норм права. Это было связано с некоторыми исходными позициями А.Я. Вышинского в понимании права. Генеральный прокурор неоднократно заявлял, что при определении сущности социалистического права он исходит из отношений господства и подчинения, находящихся выражение в праве. Понятно, что подобные взгляды отражали лишь насильственную сторону диктатуры рабочего класса, его отношение к классовым врагам. Предложенное А.Я. Вышинским понимание права целиком базировалось на взлелеянном в те годы Сталиным тезисе об обострении классовой борьбы в период социализма. На самом же деле, как считал А.А. Пионтковский, реализация норм права в условиях советского общества могла обеспечиваться не только возможностью применения государственного принуждения, но и моральным фактором, выражением в нормах права моральных воззрений трудящихся, наконец, сознательностью этих последних, а также воспитательным воздействием норм права на сознание членов социалистического общества. Трактовка понятия права А.Я. Вышинским, утверждал А.А. Пионтковский, по сути своей, была заимствована из ходячих определений права, встречающихся во многих буржуазных учебниках права. Она базировалась на игнорировании единства правовой нормы и правоотношения, разрыве связи между ними и неосновательно объявлялась соответствующей взглядам классиков марксизма на право. В то время как на деле право значительно более сложное общественное явление, чем простая совокупность принудительных норм государства.

Вместе с тем А.А. Пионтковский вовсе не отрицал нормативность права, то, что внимательное изучение его нормативной составляющей является первой обязанностью юриста. Однако он обоснованно указывал на то, что догматизация узконормативного толкования права А.Я. Вышинским привела к тому, что внимание советских юристов ограничивалось преимущественно изучением норм права, а вот на их осуществление в реальной жизни, на то, реализуются ли в действительности в правоотношениях установленные законом права и обязанности, в какой степени реализуются, далеко не всегда обращалось должное внимание. Как следствие, в ряде случаев это обстоятельство не только влекло за собой отрыв советской юридической науки от практики, но и объективно могло служить в условиях культа личности прикрытием грубых нарушений законности¹.

А.А. Пионтковский признавал, что понимание права как совокупности норм, установленных государством в интересах господствующего класса, было шагом вперед в развитии всей советской юридической науки, определенным вкладом в разрешение проблемы правопонимания. Оно сыграло свою положительную роль в борьбе с процветавшим правовым нигилизмом, помогло сосредоточить внимание советских юристов на изучении системы действующего законодательства и содействовало тем самым укреплению законности в стране. Однако, как подчеркивал А.А. Пионтковский, вовсе не в интересах дальнейшего укрепления законности забывать о присущих такому пониманию права недостатках, в частности о том, что оно охватывает лишь право в объективном смысле и не охватывает права в субъективном смысле.

Стремление советских юристов исключить правоотношение из понятия права как определенного надстроечного общественного явления способствовало тому, что проблема правоотношений оказалась слабо разработанной в общей теории государства и права. В свою очередь, это означало, что вся проблема субъективного права, и прежде всего прав личности как субъекта правоотношений, не привлекала до определенной поры должного внимания теоретиков права².

На то же сетовал и С.Ф. Кечекьян: понимание права только как нормы, как властного приказа, обеспеченного государственным принуждением, ослабило внимание к другим весьма важ-

ным аспектам права: к правам и обязанностям граждан и их коллективов, к правовым связям между ними, к воспитательной роли права, реализации норм права в общественной жизни, к связи права с другими общественными явлениями³.

Еще одним из доводов против узконормативного толкования права, по мнению А.А. Пионтковского, было то, что сведение права только лишь к нормам в известной мере обедняло и изучение истории советского права, которая излагалась по преимуществу как история принятия законодательства. Между тем, можно вспомнить ряд случаев, когда одна и та же норма советского права в различные периоды становления Советского государства регулировала совершенно разные общественные отношения и порождала, соответственно, разные правоотношения. В качестве примера А.А. Пионтковский приводил норму ст. 131 УК РСФСР, в которой предусматривалась ответственность за злонамеренное нарушение своих обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением или предприятием. Эта статья была введена в уголовное законодательство еще в годы НЭПа и направлена на борьбу со злоупотреблениями капиталистических элементов. Однако и после ликвидации означенных элементов в стране она не потеряла своего значения и продолжала оставаться действующей, правда, применяться стала при правовом регулировании уже совсем других общественных отношений, например, в некоторых случаях при злонамеренном нарушении договора контрактации. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 августа 1942 г. статья применялась в злостных случаях убоя молодняка крупного рогатого скота в нарушение договора контрактации молодняка для колхозных товарных ферм. Отсюда А.А. Пионтковский делал вывод о том, что история возникновения и развития советского права будет наиболее полно раскрыта лишь в условиях признания неразрывной связи правовой нормы и правоотношения, понимания права как единства этих двух элементов⁴.

Таким образом, ключевой идеей общетеоретической концепции А.А. Пионтковского и С.Ф. Кечекьяна является тезис о том, что право представляет собой совокупность не только правовых норм, но и порожденных ими правоотношений.

Вообще, впервые данная идея была высказана еще в конце 30-х - 40-х гг. XX в. А.К. Сталь-

гевичем⁵. Однако в тот период по вполне понятным причинам эта идея своего развития не получила. Начало же обширной и продолжающейся и поныне дискуссии по проблеме правопонимания положил С.Ф. Кечекьян, который в 1955 г. вновь поднял вопрос о взаимоотношении нормы права и правоотношения. Он указывал на то, что право есть общественные институты, учреждения, право - это закрепление определенного порядка отношений и связей между людьми в обществе. Под правовым учреждением им при этом понимались как нормы права, так и правоотношения, представляющие собой единое целое, правоотношение служило как бы развитием нормы права, ее логическим продолжением⁶.

Впоследствии эта мысль С.Ф. Кечекьяна получила развернутое обоснование в его широко известной в научных кругах монографии «Правоотношения в социалистическом обществе». Он исходил из того, что правовые нормы вызывают к жизни правоотношения в полном соответствии с классовой волей, выраженной в этих нормах. Правоотношение - это норма права в действии, в динамике. Оно формируется в результате воздействия, оказываемого правовыми нормами на поведение людей. Таким образом, правоотношения - это особые идеологические отношения, возникающие вследствие воздействия нормы права на поведение людей, это специфические общественные отношения, возникающие в результате осуществления этих норм⁷. То есть, иными словами, правоотношения есть средство воздействия правовых норм на реальные общественные отношения, важнейшая и неотъемлемая составляющая права. Схематично это выглядит так: норма права - правоотношение - общественное отношение.

Подобное понимание сути правоотношения, конечно же, шло вразрез с укоренившимся в советской юридической науке представлением о правоотношении как общественном отношении, урегулированном правовой нормой⁸.

Так, по мнению Н.Г. Александрова, правоотношения «являются продуктом нормативного классово-волевого воздействия на общественные отношения»⁹. Иначе, «будучи урегулированным нормами права, общественное отношение именно принимает форму правоотношения. Менее точным будет утверждение, что в этих случаях общественное отношение «превращается» в правовое, так как фактическое общественное отношение, приняв форму правоотношения, не переста-

ет, разумеется, быть тем общественным отношением, которое составляет для норм права объект правового регулирования»¹⁰.

О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский понимали характер взаимосвязи правовой нормы и правоотношения сходным образом: «Право не сливается с регулируемыми им общественными отношениями. Иначе оно перестало бы быть специфическим общественным явлением и утратило бы свою роль регулятора общественных отношений»¹¹. Схематично это можно было бы изобразить так: норма права - общественное отношение - правоотношение. Оппонируя указанным авторам, С.Ф. Кечекьян замечал, что такое понимание правоотношения ведет к смешению общественных отношений, принадлежащих к базису, с общественными отношениями, принадлежащими к надстройке¹².

В ответ на критические высказывания С.Ф. Кечекьян писал, что «именно потому, что право представляет собой сложное явление, определяя право как совокупность норм, имеют в виду, что это не просто некоторые суждения должного поведения, а правила, которые действуют, что норма права обуславливает определенные правовые обязанности для граждан и определенные дозволения, что норма права воплощается в определенных правоотношениях.

Весьма показательны, что авторы, ополчившиеся особенно рьяно против включения правоотношений в состав явления, именуемого правом, вынуждены признать, что осуществление права «включает установление субъективных прав и их реализацию», что «применение норм права является особой стадией осуществления права, приводящей к установлению конкретных правомочий и юридических обязанностей, обеспечивающей их реализацию и осуществление специфическими средствами...».

Может ли существовать норма права, которая не реализуется в общественной жизни, не порождает ни обязанностей, ни субъективных прав, ни правоотношений? Если в редких случаях такая норма встретится, нужно быть педантом и формалистом, чтобы признать такую норму права, уже отвергнутую обществом, но еще формально почему-либо не отмененную, правом. Норма права и правоотношения представляют некоторое единство, и тот, кто исходит из нормы права, не может не обратиться к правоотношениям, и наоборот - тот, кто хочет в тех или иных отноше-

ниях усмотреть правоотношение, должен обратиться к норме и установить полное соответствие этих отношений правовой норме¹³.

Идеи С.Ф. Кечекьяна получили одобрение и поддержку со стороны нашего выдающегося криминалиста А.А. Пионтковского, который настаивал на том, что трактовка правоотношения как общественного отношения, урегулированного правом, ошибочна. Заблуждение состояло в том, что правовая форма общественных отношений смешивалась с экономическим содержанием. Он утверждал, что правоотношения всегда являются специфическими идеологическими общественными отношениями, отношениями, принадлежащими к надстройке¹⁴.

В общетеоретической концепции А.А. Пионтковского “в реальной действительности действующая правовая норма всегда вместе с тем создает соответствующие ей правоотношения”¹⁵. Сама по себе норма как веление или запрет в отдельности указывает лишь на то поведение людей, которое при определенных условиях может или должно осуществляться. И лишь в процессе реализации нормы права в правоотношениях проявляется ее регулирующее воздействие на поведение людей. Поэтому и проводимая государством правовая политика, т.е. политика, осуществляемая посредством правовых норм, превращается в действительность через правоотношения¹⁶. Таким образом, приходил к выводу А.А. Пионтковский, право как общественное явление не исчерпывается только одним объективным правом - совокупностью норм права. Право как общественное явление есть нормы права в действии, взятые в единстве с порожденными ими правоотношениями, которые играют активную роль в превращении имеющих в обществе потенциальных возможностей в реальную действительность¹⁷.

В контексте сказанного нельзя не упомянуть о сформировавшейся в советской правовой науке концепции реализации правовых норм вне и помимо конкретных правоотношений (Л.С. Явич и др.). Например, по мнению Л.С. Явича, это относится, в первую очередь, к нормам, содержащим общие принципы права, нормам, устанавливающим запреты, а также нормам, определяющим общую и специальную правоспособность, нормам, устанавливающим так называемые абсолютные права¹⁸. Этот аргумент также использовали противники широкого подхода к правопониманию.

Впрочем, сам А.А. Пионтковский и не отрицал, что правовые нормы могут оказывать и оказывают непосредственное воздействие на поведение людей, помимо создания правоотношений, например, путем воспитательного воздействия, пропаганды определенных моральных воззрений, угрозы применения наказания. Тем не менее основной смысл издания норм права он все равно усматривал в установлении правоотношений между людьми и в обеспечении возможности их беспрепятственного осуществления¹⁹. Нужно признать, что в этом аспекте концепция А.А. Пионтковского действительно не дает удовлетворительного объяснения и потому выглядит достаточно узвзимой.

Еще одно критическое замечание, высказанное оппонентами, касалось того, что субъективное право на самом деле лежит отнюдь не в одной плоскости с нормами права. Из этого следует закономерный вывод о том, что в понятии права механически соединяются принципиально разные по своей природе явления²⁰. Данную мысль высказывали, например, Н.Г. Александров, Л.С. Явич и др. Например, по мнению Л.С. Явича, включение в понятие права правовых отношений, сведение его к ним вовсе не подчеркивает неразрывность связей между правовыми нормами и правовыми отношениями, а лишь ведет к стиранию специфики права, к лишению особенностей его содержания и формы, к стиранию особых черт правоотношений. Однако стирание граней между двумя явлениями отнюдь не означает установления между ними связи. Связь правоотношения с нормой права, утверждал ученый, определяется не тем, что оно есть часть права, а тем, что норма права предусматривает источник (юридический факт) и содержание правоотношения (отношения, действия субъектов, реализующих свои правомочия и юридические обязанности). Специфика правоотношений как определенного вида идеологических отношений состоит в том, что возможность и необходимость их установления, развития и прекращения детерминируются волей господствующего класса, которая определена экономикой и выражена в правовой норме²¹.

Примечательно, что А.А. Пионтковский соглашался с замечанием о том, что норма права и правоотношения представляют собой явления, лежащие в различных плоскостях, однако все же считал, что это вовсе не значит, что их соединение для характеристики такого сложного социаль-

ного явления, как право, случайное, механическое. Ведь всякое сложное общественное явление представляет собой единство многообразных его свойств, взаимно внутренне связанных. Такое рассмотрение предмета соответствует одному из основных законов материалистической диалектики - закону единства и борьбы противоположностей.

А.А. Пионтковский писал, что всякая правовая норма говорит о должном поведении, всякое правоотношение как особое идеологическое общественное отношение существует в реальной действительности. Буржуазная юриспруденция, ориентированная на кантовскую философию, как он считал, придумала принципиально непроходимую грань между “должным” и “сущим”. Для марксизма же, по мнению А.А. Пионтковского, такой непроходимой грани между ними не существует. “Должное” в праве есть не что иное, как “возможное” поведение в данной системе общественных отношений. При наличии определенных условий это “возможное” в результате действия людей воплощается в реальную действительность. Поэтому связь между нормой и правоотношением в праве есть по своей сути связь, мостик между “возможностью” и “действительностью”. Единство противоположностей “возможностей” и “действительности” как категорий материалистической диалектики показывает, как правовое должностное, порожденное общественным бытием, конкретными материальными условиями жизни господствующего класса, переходит в реальную действительность с помощью установления субъективного права на одной стороне и соответствующей ему правовой обязанности - на другой, воплощается в форме правоотношений между людьми. Общественный смысл любого правового должностного заключается в том, что оно способно трансформироваться в “сущее”, переходить в реальную действительность путем создания в необходимых случаях соответствующих правоотношений и регулирования таким образом общественных отношений. Вот почему объективное право в реальной жизни существует всегда в единстве с субъективным правом и корреспондирующими ему правовыми обязанностями. Поэтому вполне обоснованно рассматривать право как диалектическое единство нормы и правоотношения. Это не простое механическое сложение разных по своей природе и сущности явлений, а рассмотрение права как общественного явления во внутренней органической

связи его самых существенных черт²². Такой подход, по мнению А.А. Пионтковского, показывает объективную логику развития права и вскрывает несостоятельность методологической основы буржуазного нормативизма²³.

При разработке своей концепции, как и его оппоненты, А.А. Пионтковский опирался на труды основоположников диалектического материализма. Он подчеркивал, что известное сформулированное в “Манифесте Коммунистической партии” определение права как воли господствующего класса, возведенной в закон, вовсе не дает оснований исключать из понятия права правовые отношения. Воля, возведенная в закон, есть воля господствующего класса, который осуществляет государственное руководство обществом, свою диктатуру. Эта воля воплощена не только в правовых нормах, но и в охраняемых принудительной силой государства правоотношениях. Из указанного следовал вывод о том, что понятие права как воли господствующего класса, возведенной в закон, не является тождественным с понятием права как совокупности норм. Напротив, оно как раз предполагает единство правовой нормы и правоотношения. Определяющим в этом единстве являются нормы права, которые при определенных объективных условиях создают правоотношения; процесс реализации требований правовой нормы осуществляется в форме правоотношения.

А.А. Пионтковский обращал внимание на то, что К. Маркс в предисловии к своей работе “Критике политической экономии” формулировал свои взгляды на методологию изучения права и государства и при этом говорил вовсе не о нормах права, а о правоотношениях. “Мои исследования, - писал К. Маркс, - привели к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века называет “гражданским обществом”.

Разумеется, не стоит пытаться уличить К. Маркса в противоречивости его позиции в вопросе правопонимания. И в “Критике политической экономии”, и в “Манифесте Коммунистической партии” речь идет об одном и том же социальном феномене. Но вот внимание обращается

на разные его стороны. Если К. Маркс в предисловии к “К критике политической экономии”, в сжатых словах характеризуя суть выработанного им нового мировоззрения, при объяснении права говорит не о нормах права, а о правоотношениях, то причина этого в том, что для К. Маркса нормы права не имели самодовлеющего, самостоятельного значения, а были лишь средством в руках господствующего класса для придания правового характера определенным отношениям в соответствии в конечном счете с материальными условиями жизни этого класса. А.А. Пионтковский полагал, что рассмотрение основных положений К. Маркса и Ф. Энгельса о праве должно привести к закономерному выводу: понимание права как единства нормы и правоотношения отвечает их взглядам на природу и сущность права, а потому советской общей теории государства и права необходимо сохранить то определение права, которое было сформулировано в “Манифесте Коммунистической партии”, - возведенная в закон воля господствующего класса, - но без придания ему только узконормативной трактовки²⁴.

Предложенное А.А. Пионтковским толкование классических положений было поддержано рядом авторов. Например, Л.С. Мамут утверждал, что К. Маркс и Ф. Энгельс восприняли от И. Канта, И. Фихте и Г. Гегеля отчетливо выраженную в их трудах конструкцию права в качестве специфического реального отношения, складывающегося между субъектами общественного взаимодействия. Участники этого отношения контактируют друг с другом в ходе обмена социальными ценностями (вещами, услугами, иными благами) как равные, свободные (самостоятельно делающие свой выбор), автономные индивиды²⁵.

Учитывая изложенное, А.А. Пионтковский представил такую дефиницию: “Общественное право есть воля всего советского народа, содержание которой определяется материальными условиями строительства коммунистического общества в нашей стране, находящая свое выражение в советских законах и иных нормативных актах государственной власти, а также в установленных на их основе правах и обязанностях членов социалистического общества, общественных организаций трудящихся, хозяйственных предприятий, учреждений, должностных лиц и органов государственной власти, воля, направленная на развернутое строительство коммунистического общества и всестороннее удовлетво-

ние материальных и культурных потребностей личности”²⁶.

В контексте сказанного нельзя не затронуть вопрос о возможной параллели между учением А.А. Пионтковского и С.Ф. Кечекьяна и известной социологической школой права. Следует отметить, что, хотя они и имеют некоторые точки соприкосновения, широкий подход к праву оригинален, самобытен, это направление возникло на российской почве и не имеет каких-либо аналогов. Сам А.А. Пионтковский писал о социологических концепциях: “Право как определенное общественное надстроечное явление не может быть сведено только к правовым нормам или только к правовым отношениям. Ошибочно исключать правовые нормы из понятия права и сводить его лишь к совокупности правовых отношений. Такое понимание права, первоначально противопоставленное в советской юридической литературе буржуазному нормативизму в праве, как показала история советской юридической науки, служило в действительности основой нигилистического отношения к советскому закону”²⁷. Таким образом, представляются малопродуктивными возможные попытки поставить знак равенства между пониманием права как единства правовых норм и правоотношений и социологическими концепциями правопонимания, сформировавшимися в буржуазной юридической литературе.

В целом, обращение к новому направлению исследования проблемы правопонимания говорило, с одной стороны, о полном или частичном несоответствии узконормативного правопонимания реальной действительности и, как следствие, неудовлетворительности существующих представлений о праве, а с другой - о продолжении, по сути, никогда не прекращавшихся попыток, как об этом свидетельствует история развития правоведения, поиска все новых, наиболее адекватно отражающих реальную правовую действительность представлений о праве и выработке его соответствующих определений²⁸.

¹ См.: *Пионтковский А.А.* К вопросу об изучении общественного права // Советское государство и право. 1962. № 11. С. 18-20.

² См.: *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 20.

³ *Кечекьян С.Ф.* Методологические вопросы истории политических учений // Вопросы философии. 1962. № 2. С. 87.

⁴ См.: *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. С. 21.

⁵ См.: Байгин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 46, 47.

⁶ *Кечекьян С.Ф.* Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 26, 27.

⁷ См.: *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 5, 7, 19.

⁸ См., например: *Иоффе О.С.* Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 20; *Шебанов А.Ф.* О воздействии права на общественное развитие в условиях общенародного государства // Советское государство и право. 1963. № 12. С. 15; *Гревцов Ю.И.* Правоотношение - разновидность общественного отношения // Правоведение. 1975. № 2. С. 48.

⁹ *Александров Н.Г.* Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 12.

¹⁰ *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 98.

¹¹ *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 57.

¹² *Кечекьян С.Ф.* Нормы права и правоотношения. С. 24.

¹³ Там же. С. 34-35.

¹⁴ *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. С. 23.

¹⁵ *Пионтковский А.А.* К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 28.

¹⁶ *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. С. 18.

¹⁷ *Пионтковский А.А.* Содержательная книга о проблемах правотворчества: Рецензия на книгу: Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1960. 223 с. // Советское государство и право. 1961. № 6. С. 128.

¹⁸ См., например: *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 108-116.

¹⁹ *Пионтковский А.А.* К вопросу об изучении общенародного права. С. 23.

²⁰ *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 205.

²¹ *Явич Л.С.* Проблема содержания и формы в праве // Ученые записки Таджикского университета. Т. VIII. Труды юрид. фак-та. Вып. 3. Сталинабад, 1955. С. 66.

²² См.: *Пионтковский А.А.* К вопросу об изучении общенародного права. С. 23-24; *Его же.* Юридическая наука, ее природа и метод. С. 75.

²³ *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. С. 18.

²⁴ См.: *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. С. 19, 21; *Его же.* К вопросу об изучении общенародного права. С. 22-23.

²⁵ История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2007. С. 691.

²⁶ *Пионтковский А.А.* К вопросу об изучении общенародного права. С. 24.

²⁷ *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. С. 19.

²⁸ См.: *Марченко М.Н.* Источники права : учеб. пособие. М., 2005. С. 19-20.

Поступила в редакцию 02.11.2014 г.